

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Я. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO BISO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 812.819

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XVII

Buenos Aires, martes,

10 de agosto de 1965

Буэнос Айрес,

вторник 10 августа 1965 года № 811

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

273. УМНО ОРГАНИЗОВАННОЕ ПРАЗДНЕСТВО ПРИСОЕДИНЕНИЯ БАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК. — КОММУНИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В ГРЕЦИИ. — ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ ПРОЦЕСС БРУКА В МОСКВЕ? — ПЕРЕМЕЩЕНИЯ СОВЕТСКИХ ИЕРАРХОВ И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ПАТРИАРХИИ. — КОНЧИНА БЕСПАРТИЙНОГО УЧЕНОГО ФИЗИКА АНТОНА КАРЛОВИЧА ВАЛЬТЕРА И ЭКОНОМИСТА ИЗ ПОЛИТКОМИССАРОВ АНУШАВАНА АГАФ. АРЗУМЯНА

Визит Харримана в Москву не дал никаких практических результатов и война в обоих Вьетнамах — северном и южном — продолжает разгораться, помогая военным силам Соед. Штатам пробовать на практике новые виды оружия: воздушного и сухопутного и изучать методы войны в джунглях.

В СССР внимание от Вьетнама несколько отвлекли торжественные празднования во всех трех Балтийских республиках 25-летия их формального присоединения к СССР после девятилетней военной оккупации. 17-го июля во всех трех столицах выступали видные вожди: в Вильнюсе выступал третий секретарь ЦК Мих. Андр. Суслов, заменивший уехавшего в этот день на съезд румынской компартии первого секретаря Л. И. Брежнева и таинственно исчезнувшего второго секретаря Н. В. Подгорного, в Риге выступал Косыгин, а в Таллине — Микоян, всегда молодежавый и энергичный.

Все три речи построены по одному трафарету: как плохо им жилось под гнетом своих “фашистских” правительств, как потом они сражались на стороне СССР против немцев, причем умалчивалось об участии эстонских, латышских и литовских частей в войне на стороне немцев, затем говорилось о достижениях и расцвете под советским режимом; отсюда следовал переход к выпадам против американского империализма и кончалось выражениями всяких пожеланий процветания.

Из трех однообразных докладов мне кажется интересным отметить две особенности доклада Косыгина в Риге: в отличие от Микояна и Суслова он нашел нужным упомянуть латышей, стоявших у власти в СССР и погибших жертвами Сталина в ежовщину: Фрица Розента, чекиста Яна Берзина, кровожадного Роберта Эйхе, Юлиуса Данишевского и Яна Рудзутака. Между тем Микоян не упомянул таких жертв “культы”, как эстонцы Анвельт, Познер, Рикс, Алкнис, Эйдеман, а Суслов позабыл Винчаса Мицкевичюса и других ликвидированных литовских “ленинцев”. Затем Косыгин протестовал против резолюции конгресса Соед. Штатов о Латвии, Эстонии и Литве, принятой в июне 1965 года и связанной с “американской интервенцией” во Вьетнаме, как бы пугая возможностями американских бомбежек Латвии. Суслов и Микоян ругали американских “империалистов”, но не упоминали их намерений отделить Прибалтику от России независимо от ее государственного строя.

Перед выступлениями “высоких москвичей” делали доклады первые секретари ЦК местных компартий: в Литве — Снечкус, в Латвии — Калиберзин, в Эстонии — Кэбин. Из почетных гостей в Вильнюсе на трибуне появились три советских маршала — Баграмян, Крылов и Еременко, но не было видных иностранных гостей. В Таллине из советских гостей был космонавт Г. С. Титов, но много знатных иностранцев, как генер. секретарь компартии Чили

Луис Корвалан, член ЦК компартии соседней Финляндии Мякинен и посол коммунистической части Германии в Москве Р. Деллинг. В Риге были мелкие фигуры, имена которых не приводит советская печать. Все три республики получили орден Ленина, который Московский гость вручал председателю президиума Верховного Совета, первому секретарю ЦК и премьер-министру республики, которые прикрепляли его к государственному знамени.

До этих торжеств Косыгин поехал вручать 12-го июля орден Ленина и медаль “Золотая звезда” городу Волгограду. В торжествах приняли участие участники боев за тогдашний Сталинград маршалы Еременко и Чуйков, ген. полковники Шумилов и Родимцев, но отсутствовали участники тех же боев командовавший Донским фронтом маршал Рокоссовский и его комиссар Кириченко, а также комиссаривший при командовании Сталинградским фронтом генерале Еременко и потерявший в этих боях старшего сына-политрука Хрущев. При этом Косыгин соврал, что немцы имели трехкратное превосходство в силах. На самом деле после разгрома и бегства итальянцев на левом фланге и румын на правом — войска Паулуса оказались в окружении при пятикратном превосходстве в силах 19 советских армий, которыми командовали прославляемые теперь Косыгиным генералы: П. И. Батов, И. В. Галанин, В. Ф. Герасименко, Ал. С. Жадов, С. А. Красовский, В. И. Кузнецов, Д. Д. Лелюшенко, Р. Я. Малиновский (отбивший попытку фон Манштейна прорваться на выручку), К. С. Москаленко, М. М. Попов, П. Л. Романенко, С. И. Руденко, Ф. И. Толбухин, Н. И. Труфанов, Ф. М. Харитонов, Т. Т. Хрюкин, И. М. Чистяков, В. И. Чуйков и М. С. Шумилов; из них С. А. Красовский и С. И. Руденко командовали авиационными армиями из многих сотен самолетов каждая. Косыгин упомянул, что сам находился в то время в осажденном Ленинграде, что весьма сомнительно, ибо был в то время зам. предс. совнаркомом СССР и ему незачем было сидеть в осажденном городе.

Накануне, 11-го июля, Брежнев провел ту же церемонию в Ленинграде, куда переехали с ним на празднование из Москвы маршал Малиновский, секретарь ЦК и первый заместитель Косыгина Д. Ф. Устинов, адмирал флота С. Г. Горшков и министр судостроения Б. Е. Бутома. В своей речи он не упомянул жертв “культы” — руководивших защитой Ленинграда, как первый секретарь Горкома Ал. Ал. Кузнецов, расстрелянный в 1949 году по “ленинградскому делу” совместно с председ. облисполкома Попковым. Речь Брежнева была бледной и малозначительной.

Брежнев не мог поздравлять балтийские республики, ибо в самый день чествования поехал на конгресс румынской “рабочей” партии, взяв с собой секретаря ЦК по компартиям сателлитов Ю. В. Андропова, первого секретаря Мо-

сковского Горкома Н. Г. Егорычева, секретаря ЦК Украины В. Г. Хомякова. Их провожал весь президиум ЦК, но в тот же день Шелепин, Демичев, Устинов и Пономарев приветствовали проезжавшую через Москву в Бухарест на тот же съезд делегацию китайской компартии во главе с ген. секретарем ЦК Дэм-Сяо-Пином.

В Бухаресте Брежневу не аплодировал этот китаец, поэтому и Брежнев не аплодировал китайцу. Но на празднике Брежнев подошел поздороваться с Дэм-Сяо-Пином, а тот демонстративно повернул ему спину. Албанский делегат грубо напал на “ревизионистов”, прямо обращаясь к Брежневу, как это еще раньше случилось 13-го июля на всемирном конгрессе мира в Хельсинки, где глава китайской делегации Чао-И-Минь назвал советскую политику “беспринципной”, а албанский делегат поносил советскую делегацию, трусливо бежавшую из зала, когда албанец направился к трибуне. Выступления китайца и албанца в Хельсинки в смягченном виде передала “Правда” в номере от 14-го июля на 4-й странице. Итак, теперь и советские читатели знают, как смело поносят советских делегатов на коммунистических конгрессах и международных встречах. Сталина, Маленкова не смели пносить, Хрущев резко и грубо парировал такие небывалые до него выходы, а Брежневу можно плюнуть в глаза, он утратит и скажет, что это утренний роса!

Но из этого не следует, что пресмыкающийся перед Вашингтоном и трусачий перед Пекином ЦК КПСС не ведет подрывной работы. Хорошо разбираясь в том, что наиболее созвучны будущей России народные монархии Ирана и Греции, на них сосредоточивает свою подрывную работу ЦК КПСС, ведя ее по одному и тому же методу. Мы помним, как в Тегеране коммунисты поддерживали и натравливали на шаха “либерального” престарелого премьера Мосадека, мечтавшего свергнуть монархию при помощи коммунистов и стать иранским Керенским. Такую же роль играет сейчас в Греции престарелый премьер левого правительства Папандреу. Его сын Андреас с помощью коммунистов создал в армии республиканскую тайную

К ДРУЗЬЯМ

Дорогие друзья!
В состоянии моего здоровья снова наступило надеюсь, временное, ухудшение. Ежедневные (вернее — еженощные) спазмы сердечных сосудов возобновились. Кроме того, в ночь на 6 августа я перенес новый, хотя и значительно слабейший предыдущего, приступ удущья. Все это повлекло за собой требование со стороны врача “полного покоя” и пребывания в постели.

В силу этого, я снова должен просить моих корреспондентов отнестись с максимальной степенью снисходительности к нарушению мною правил переписки. Кроме того, я обращаюсь с категорической просьбой ко всем, имеющим то или иное дело в Редакции, а также и к друзьям, даже самым близким, не посещать меня, не условившись предварительно по телефону 52-7426 о дне и часе визита. Татьяна Владимировна не может не покидать дома и в ее отсутствие я не буду иметь возможности открыть дверь на звонок.

Вс. Дубровский

организацию “Аспида” (в Иране это был “Тудей!”). Отец в качестве премьера мешал военному министру раскрыть эту организацию и хотел сместить военного министра, чтоб “очистить” армию от преданного королю офицерства, используя для этого момент рождения наследницы престола принцессы Анастасии. Король на это не согласился, тогда Папандреу подал в отставку и король сразу же поручил составить кабинет его же более честному однопартийцу председателю парламента известному поэту Анастасиасу Новасу. Тот составил кабинет, тогда Папандреу заявил, что он в отставку еще не подавал и призвал народ к “мирной” демонстрации, при которой коммунисты, шедшие во главе этой “мирной” демонстрации, пытались обезоружить полицию и проникнуть в здание совета министров. Полиция же разогнала дубинками и слезоточивыми бсмбами, причем погиб, задохшись от испарений бомб, вождь коммунистической молодежи 25-летний студент Социалас Петрулиас, организатор боевой

† 20-го августа 1965 года в первую годовщину смерти нашей дорогой и незабвенной

ЛИДИИ СЕРГЕЕВНЫ ГОРБАЧЕВСКОЙ

в 16 часов у могилы покойной на Британском кладбище будет отслужена панихида. 21-го августа 1965 г. после Всенощной в церкви Св. Сергия Радонежского (Вижа Бажестер) будет также отслужена панихида, о чем с прискорбием сообщает осиротевшая семья.

† В воскресенье, 15-го сего августа, по случаю второй годовщины со дня кончины

ВСЕВОЛОДА МИХАЙЛОВИЧА СТЕЦЕНКО

после Божественной Литургии в Кафедральном Соборе Воскресения Христова будет отслужена панихида, о чем извещают жена и дети покойного.

† 6-го июля с. г. в Сан Пауло, Бразилия, после долгой и мучительной болезни скончался мой отец

ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВАГАПОВ

о чем с глубокой скорбью извещают жена, сын, невестка и внуки ДМИТРИЙ ВАГАПОВ

организации "Ламбракс". Теперь этого коммуниста, якобы, либеральный Папандреу объявляет мучеником. Компартия заявляет, что погибший принадлежал к геронической семье, а 35 его родственников погибли в коммунистических отрядах в период гражданской войны. Андреас ездит по стране и старается привлечь умеренные слои общества к поддержке явно руководимого коммунистами восстания. Так, греческий — не то Гучков, не то Керенский — прокладывает дорогу к власти греческим коммунистам, что сорвалось у Иранского Керенского — Мосадика. Перед молодым и любимым народом королем — Олимпийским чемпионом — стоят накануне крещения наследники те же опасности, которые стояли перед иранским монархом-реформатором, а еще раньше перед нашим Царем-Мучеником во дни рождения и крещения будущего мученика Цесаревича Алексея! Помогни Господь православному королю справиться с врагами-коммунистами и изменниками из либеральных политиканов, стремящихся к свержению монархии.

Я избегаю касаться событий вне пределов нашей родины, но остановился на внутренних делах Греции потому, что вижу в них обычный маневр ЦК КПСС, одинаковый для Ирана и Греции, заключающийся в использовании честолюбивых республиканских стремлений недалеких и престарелых лидеров левой буржуазии, чтоб свергнуть монархию, заменив ее, как это произошло у нас, коммунистической диктатурой на рабочем классе, даже не партии или ее ЦК, но наиболее ловкого самовластного диктатора: Ленина, Сталина, Маленкова, Хрущева... Но в СССР произошло событие, которое давно предвидел: инсценировка процесса врагов советского режима, чтоб оправдать новые полицейские репрессии против народа. 22-23-го июля состоялся в Москве при закрытых дверях процесс 27-летнего англичанина — преподавателя русского языка Джеральда Брука, обвиняемого в передаче москвичу Константинову пропагандистского материала НТС для распространения в СССР. В первый день суда был прочитан обвинительный акт, из которого следует, что арестованный 25-го апреля в Москве Брук шпионажем не занимался, а только передал Константинову антисоветский материал, полученный им в Лондоне, где он познакомился с представителем НТС "Георгием", по поручению которого должен был передать материалы представителю НТС в Москве Константинову. Подсудимый признал себя виновным, после чего были закрыты двери суда ввиду того, что в деле был замешан второй секретарь британского посольства Бишоп. Во второй день процесса при закрытых дверях был допрошен в качестве свидетеля Константин, который подтвердил, что Брук должен был ему принести на квартиру материалы, полученные им от НТС в Великобритании, но осведомленный им о визите Константинова предупредил органы госуд. безопасности и Брук по приходе к Константинову был "взят с полным". Однако, понадобилось три месяца, чтобы убедить Брука покаяться публично на суде, ибо в противном случае процесс мог состояться через три дня, как было, например, с Борисом Савинковым. На втором заседании выступил прокурор, который заявил, что Брук "прекрасно знал, что НТС — организация, враждебная миру, прогрессу и демократии, организация, которая стремится помешать мирному строительству коммунизма в нашей стране". Он выразил сожаление, что в нарушение международного права второй секретарь посольства Бишоп оказался замешан в деятельности антисоветской эмигрантской организации и просил суд вынести об этом соответствующее постановление для принятия мер к высылке Бишоп. Ввиду раскаяния Брука он предложил для острастки дать ему семь лет заключения: два в тюрьме и пять в концлагере. После представителя обвинения замест. прокурора Терехова выступил "казенный" (назначенный судом) защитник Боровик, который привел в защиту подсудимого целых пять аргументов:

1. Преступление фактически не состоялось, ибо весь материал был сразу конфискован и никто в СССР этих антисоветских материалов не получил и не видел;

2. Ни один сов. гражданин не получал этого материала, который не принес вреда.

3. Кодекс для расшифровки радиопередач НТС был также захвачен и никому не послужит. (Непонятно, что это за кодекс; видимо, директивы, идущие по радио).

4. Брук оказался бессознательно жертвой антисоветской пропаганды, которая ведется НТС в капиталистических странах и потому согласился стать ее орудием.

5. Брук понял свою вину и помог разоблачить антисоветскую работу НТС. Затем Брук, отказавшись от переводчика и прекрасно говорящий по-русски, просил позволения произнести последнее слово: "Два (разве не три?) месяца, проведенные в тюрьме, позволили мне осознать тяжесть моей вины. Следствие велось самым беспристрастным образом и имело целью только установить истину. Я вполне согласен с каждым пунктом следствия и хотел бы скорее выплатить мой долг этой стране, чтоб снова зажить честно и быть в состоянии дружески встретиться с советскими гражданами".

Брук приговорен к 5 годам заключения: один в тюрьме, 4 в концлагере.

Даже коммунистическая печать Запаदा поражена успехом этой инсценировки и задает вопросы: как же резидент НТС в Москве сразу заманил его в ловушку и велел ему принести весь компрометирующий его материал в устроенную им с чекистами засаду? Почему пришлось вести следствие так долго, если признание и доказательства были сразу налицо? Причем в этой истории Бишоп, в отношении которого не предъявлено никаких конкретных обвинений?

Еще не имея точных данных советской печати, могу сделать некоторые выводы:

1. Трудное политическое положение толкает ЦК КПСС к инсценировке процессов, которые должны показать наличие опасных политических врагов, чтоб оправдать "бдительность", всякие полицейские притеснения населения и в итоге — террор.

2. Ничего не изменилось с эпохи Сталина: Константин и Брук через два месяца были так сломлены, что сыграли свои роли: кающегося подсудимого и раскаявшегося русского представителя НТС в Москве. Но Константинов выступал при закрытых дверях и его публике не показали. Нельзя верить тому, что пишется о заседании при закрытых дверях. Там, вероятно, Брук и Константинов должны были запутать Бишоп.

3. Сов. следственные органы Руденко и Семичастного умеют вырывать у арестованных любые фантастические признания и показания в открытых судебных заседаниях. Они только поумнели настолько, что перестали обвинять в шпионаже тех, кто везет или распространяет антисоветский пропагандистский материал, чего ни один шпион не делает. Признания Брука также нелепы, как признания Розенблума, которые привел на партийном съезде Хрущев, чтоб показать, как при Берии и Абакумове диктовались и ратувались подобные признания. Тут Бруку велели еще публично похвалить методы следствия, которые убедили его сыграть эту позорную роль. Между поведением на суде Брука, Пенковского и муштрованных Ежовым Рыкова или Ягоды нет разницы!

4. Чтоб не рекламировать, а развенчать НТС Комитет Гос. Безопасности разыграл эту "драму" так, что выходит, что русские эмигранты не идут на опасную работу, но посылают на нее иностранцев: Брук объявил себя лейбористом; иностранцам помогают иностранные посольства, которые способствуют работе НТС, а единственный фигурирующий в деле русский-резидент НТС в столице умышленно изображен, как предатель, который мог выдавать все до Брука к нему посылаемых курьеров. Этим внушается читателям впечатление о бессилии НТС, который вербует курьерами иностранцев, в помощь им работают дипломаты, а русские сами их выдают КГБ. Но никто этому не поверит; однако, это опровергает басни о смягчении режима!

25-го мая с. г. Патриарх со Свящ. Синодом переместил ряд иерархов.

1. 60-летний епископ Игнатий Кировоградский и Николаевский (Иван Ник. Демченко) скончавшийся в 1935 году Парижский Богословский Институт, вернувшийся в Румынию (он родом из Бендер) в 1939 году и хиротонисанный в 1961 году "освобожден по болезни" с предоставлением отпуска для лечения.

2. Его сменяет епископ Переяслав-Хмельницкий Боголеп (54-летний М. Р. Анцух), хиротонисанный в конце 1963 года несмотря на то, что не был способен кончить курса Дух. Академии. Это самый малообразованный из новых сов. архиереев.

3. Уволен на покой с назначением пенсии архиепископ Иоанн Горьковский и Арзамасский, который считался среди иерархов не очень "благонадежным".

4. Его сменяет с возведением в архиепископы епископ Вологодский Мстислав (Волосевич), вернувшийся в Россию из Германии, где ему угрожал уголовный суд за противоестественные поступки. Этот 59-летний иерарх сменил за 9 лет пребывания в СССР 4 кафедры и имеет самую дурную репутацию среди епископов.

5. Временно Вологодской епархией будет править "по соседству" архиепископ Сергей Ярославский и Ростовский (Ларин), явный чекист, переведенный в 1964 году из Берлина, о преступлениях которого я не раз писал.

6. Вместо скончавшегося Бориса (Вика) архиепископом Одесским и Херсонским назначен из Минска архиепископ Сергей, хиротонисанный в 1961 году.

7. В Минск назначен епископом Антоний Белгород-Днестровский (Ан. Серг. Мельников), многолетний иподиакон Патриарха Алексея еще до его патриаршества, хиротонисанный в прошлом году в возрасте 40 лет.

8. Луганская епархия почему-то передана из ведения митрополита Киевского в управление архиепископа Одесского. Несомненно переведенный в Одессу Антоний будет скоро возведен в архиепископы.

9. Учебный Комитет при Синоде, потерявший своего председателя со смертью прот. Ружицкого получает председателем Алексея Таллинского (Ридигера); в его состав вводятся: от Московской Духовной Академии — проф. Старокадомский, от Ленинградской — доцент прот. Ливерий Воронов, бывший наблюдатель на третьей сессии Ватиканского Собора.

Интересно отметить в списке посетителей, имевших за последние месяцы аудиенции у патриарха вышеупомянутого второго секретаря брит. посольства Бишоп. Он был принят патриархом 22-го апреля (за три дня до ареста Брука) для передачи послания архиепископа Кентерберийского. На Пасху архиепископ Алексей Таллинский в сопровождении сов. посла в Иордании К. П. Слюсаренко был принят королем Хуссейном. Бывший на Рождество в Святой земле епископ Варфоломей Венский в сопровождении о. Якова Ильича (б. наблюдатель на второй сессии Ватиканского Собора) не были приняты королем, ибо тогда еще не состоялся обмен посланиями между Иорданией и СССР. С этим обменом послов возрастает угроза советского внедрения в Иорданию и нашим в ней святым обителям.

Из подобного некролога митрополита Бориса (Бориса Ивановича Вика) узнаем дополнительные подробности его биографии. Это — сын саратовского рабочего, ставший в возрасте 17-ти лет в 1923 году послушником Саратовского Спасо-Преображенского монастыря, вскоре закрытого. Поэтому странно звучат слова, что он в этом монастыре в 1928 году пострижен в рясофор. Впрочем текст написан более осторожно: не сказано, что он проживал в монастыре, но, что он пострижен игуменом этого монастыря (где? — неизвестно!) в рясофор, а в 1930 году — в мантию, в 1935 году — в нероднакона и неромонаха. После сговора Сергея и Алексея со Сталиным в конце 1942 года в дни "битвы на Волге" ставший архиепископом Саратовским, высланный туда о. Николай Чуков поставил неромонаха Бориса настоятелем кафедрального Собора, возвел в игумены, затем в архимандриты. В апреле 1944 года он стал епископом Нежинским, а через год — Черниговским. В 1947 году вернулся в родной Саратов и здесь в 1949 году произошел "скандал" с водосвятием на Крещение. Обвиненный в нарушении приличий, ибо голые верующие бросались в прорубь, и причинение смерти ребенку, которого мать заставила окунуться в ледяную воду, епископ Борис был арестован, но в марте выпущен из заключения и переведен в Чкалов (ныне снова Оренбург). Некролог ничего нового не добавляет относительно его поездок в Соединенные Штаты, где власти ему не позволили обосноваться; странно, что, якобы, первый инфаркт вынудил его от-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АКТИВНОСТЬ ВОСТОЧНОГО ОБРЯДА

Нам пишут из Торонто:

Существующая здесь католическая коллегия восточного обряда, руководимая членами ордена Св. Василия Великого, то есть галицко-украинскими униатами, обратилась к канадским и американским католикам с призывом собрать один миллион долларов на подготовку "будущих духовных руководителей для работы за Железным Занавесом".

Коллегия насчитывает в настоящее время 200 студентов и хочет увеличить их число до 450.

Из текста призыва следует, что коллегия не намерена посылать своих воспитанников в страны, захваченные коммунистами. В настоящее время она ставит себе целью "борьбу с коммунистической инфильтрацией в славянские по происхождению этнические группы населения Канады и Соединенных Штатов". Она надеется, однако, что в будущем воспитанники коллегии "смогут проповедывать истину на родине их предков".

ДОБРЯНСКИЙ О РОССИИ

Нам пишут из Нью Йорка:

Редактируемый известным ненавистником России, проф. Львом Добрянским, "Украинский Бюллетень" сообщает, что Добрянский представил заявленное комиссией иностранных дел американской Палаты Представителей, изучающей положение евреев в СССР.

Добрянский обвинил Россию и русский народ в непрерывном преследовании и даже в истреблении евреев. "Анти-еврейская кампания автократических и тоталитарных русских режимов, — написал он в заключительной части своего заявления, — в течение столетий была тесно связана с деспотическим строем и с колониализмом как белой, так и красной Российской Империи". По словам Добрянского, "эти варварские кампании были и остаются интегральной частью русской политики истребления народов, стремящейся к возможно большей руссификации населения Империи". Добрянский призвал Палату Представителей к "обращению внимания свободного мира на эту сторону советского русского тоталитаризма, империализма и колониализма и к разоблачению всей его жестокости и варварского поведения".

казаться от звания Экзарха обеих Америк, которое он носил, проживая в качестве правящего митрополита в Одессе, где Патриарх проводит всегда лето. Далее подробно описывается его болезнь: в 1963 году инфаркт миокарда; в 1964 году второй инфаркт миокарда и два инфаркта правого легкого в возрасте 58 лет. Однако, после этого здоровье настолько улучшилось, что митрополит смог приехать в Москву на торжество по случаю 20-летия патриаршего служения Алексея. Затем поехал в Сочи, где имел за несколько дней два инфаркта и скончался 16-го апреля через два месяца после поездки на московские торжества по случаю этого юбилея. В похоронах в Одессе наряду с митрополитом Иоасафом Киевским и Антонием Белгород-Днестровским принял участие проживающий на покое в Одессе 84-летний архиепископ Онисифор (Петр Александрович Пономарев), в прошлом епископ Пинский и Брестский, потом архиепископ Калужский и Боровский. Почти накануне смерти митрополит Борис телеграфировал патриарху: "... врачи обещают значительно улучшить мое состояние...!"

13-го июля скончался в Харькове талантливый беспартийный ученый академик, заместитель директора Харьковского физико-технического Института Антон Карлович Вальтер. Его дед был известным в Харькове зубным врачом, к которому съезжались пациенты со всего юга России еще в эпоху Александра III. Его отец Карл Антонович был знаменитым хирургом в дореволюционном Петербурге, а дядя Филипп Антонович — сенатором и профессором гражданского права в Императорском Училище Правоведения и в Петербургском университете. После революции он помог многим не успевшим закончить курс правоведам получить дипломы петроградского университета, поче-

му пользовался большой популярностью среди оставшихся в столице и в большинстве впоследствии репрессированных молодых правоведов. Антон Карлович был профессором родного университета, в котором учились и занимали кафедры его дед и отец (до переезда в Петербург), но в то же время принимал деятельное участие в работах Государственного Комитета по использованию атомной энергии, возглавляемого с 1962 года министром Андроником Мелконовичем Петросьянцем. Окончив талантливо ученого, не польстившегося, как и никто из этой честной ученой семьи, на партбилет извещают этот Госуд. Комитет и две Академии Наук: СССР и Украинская.

18-го июля, на 62-м году жизни, умер типичный ученый из политкомиссаров Акушаван Агафонович Арзумян, о чем известили «с глубоким прискорбием» ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета и совет министров СССР. Родившись в 1904 году, он после советизации Армении явился одним из основателей ее комсомола в возрасте 17-ти лет. Прорыв карьеру в рядах комсомола и партии, Арзумян в 22 года был членом ЦК партии по руководству комсомолом и был выкинут из ЦК в ежовщину в 1937 году после убийства Берией первого секретаря ЦК Ханджяна. Четыре года спустя он себя реабилитировал на политической работе в армии. В 1942 году он участвовал полнотрумом в десанте в тылу занимавших Новороссийск немецких частей, продержавшись 7 месяцев на «Малой Земле» до перехода Новороссийска к советским частям в сентябре. Затем отличился в боях на Украине, на Карпатах и в Чехословакии. После войны стал ученым партийным руководителем; проректором университета в Баку, ректором в Ереване и с 1956 года — директором Института экономики и международных отношений Академии Наук СССР. «За непримиримость к буржуазной идеологии и извращенным марксистско-ленинским идеям» избран академиком-секретарем Отделения Экономики и членом президиума Академии Наук СССР. В качестве депутата Верховного Совета был в Совете Национальностей членом двух комиссий: по иностранным делам и по составлению проекта новой конституции СССР. Некролог подписали Брежнев, Косыгин, Микоян, Сулов, Демичев, Андропов, Пономарев, Ломачко, Руднев и 27 партийных ученых — «комиссаров от науки», среди них — его брат Г. А. Арзумян.

Алексей Ростов

Г. Месняев

ЦАРЬ - СОЗИДАТЕЛЬ

Подобно тому, как раненый в момент ранения почти не чувствует боли и не отдает себе полного отчета в значении с ним происшедшего, так и всякое людское несчастье и горе, во всей своей полноте и силе, осмысливается не сразу, а постепенно, уже тогда, когда сознание, отвлеченное от текущей злобы дня, имеет возможность сосредоточиться на происшедшем. Таково было и наше, русское, отношение к страшнейшему екатеринбургскому злодеянию, трагический смысл которого, во всей своей полноте раскрылся перед нами не сразу, а постепенно, по мере того, как это ужасное событие стало, во времени, уходить от нас все дальше и дальше.

Надо признаться, что в те дни, в дни всероссийского хаоса, в ужасах террора и в тревогах Гражданской войны, убийство Царской Семьи — не произвело того впечатления на русский народ, которое, как казалось бы, должно было произвести.

Тогда смерть, муки, общее помрачение умов и совести, — заслонили от русских людей подлинное значение и смысл того, что произошло в Екатеринбурге. Русский народ в целом, прошел мимо смерти последнего российского венценосца, в достаточной степени, спокойно и равнодушно. И только потом, когда стала спадать мутная волна всеобщего российского наваждения, мало-помалу заговорила русская совесть, и для наиболее чутких и совестливых русских людей стал ясен весь злобещий смысл екатеринбургской трагедии. Заметим, что вследствие очень тонкой, искусной и подлой пропаганды, которая, не ослабевая, ведется большевиками уже почти пятьдесят лет, правда о Государе и о Государыне остается скрытой от русского народа и он в своей массе далеко еще не отрешился от навязанных ему убийцами превратных, искаженных и лживых о них представлений. Надо предполагать, что русский народ еще далек от истинного понимания того, что произошло когда-то в злобещую июльскую ночь. Только тогда, когда Россия будет освобождена от поработивших ее преступников и правда о последнем русском Царе станет общим достоянием, — только тогда в России совершится тот психологический процесс, который уже произошел

в эмиграции. Этот процесс, раскрывший перед русскими людьми глубокий, исторический смысл Екатеринбургского, привел к тому, что подавляющее большинство честных русских людей уже полностью осознали и поняли, что сорок семь лет тому назад произошло не только ужаснейшее, не имевшее примера в истории, преступление, но и величайшее мировое несчастье, знаменующее собой конечную победу торжествующего Зла над униженным Добром и начало одичания, нравственного распада и идущей вслед за ним, гибели человечества.

Углубляющееся с каждым годом, это сознание, естественно, выдвигает и подчеркивает в личности и судьбе покойного Государя — трагические и роковые черты. Они, эти черты, как бы заслоняют от нас и отодвигают на задний план другие черты его личности, те самые, которые образуют исторический облик покойного Государя, как главы величайшего государства и его правителя.

Недавно, один русский патриот, душевно и искренне преданный памяти Государя и очень тщательно изучивший все его деяния, — очень тонко заметил, что мы, оплакивая судьбу Государя и вспоминая Его с благоговением и сердечной болью, как-то забываем о том, что мученичеством русского Царя — далеко не исчерпывается великое его значение в русской истории. По совершенно справедливой мысли этого патриота, мы должны, в интересах исторической правды и справедливости, не только с глубокой болью оплакивать судьбу Императора Николая II, но всячески подчеркивать и возмечивать его творчески-созидательную деятельность, с помощью которой он вознес Россию, перед войной и катастрофой, на невиданные высоты богатства, процветания и славы.

Для будущего, для истории, для грядущих поколений, во весь рост, во всем величии — должен быть показан облик не только Царя-Мученика, но и, прежде всего, облик Царя-Созидателя.

Много раз, в разных вариантах и в разном освещении, описывались необыкновенные успехи России во всех областях ее многогранной жизни, в последние десятилетия перед Первой Мировой войной. Приводились и приводятся мно-

гие цифры, иллюстрирующие необыкновенные, чисто «американские» темпы русского роста и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в железнодорожном деле, и в финансах, и во многом другом, что отличало тогдашнюю русскую жизнь. Цифры эти и фактические данные — получили уже общее признание. Предвоенный расцвет России — не вызывает больше споров. Но, почему-то, очень часто, совершенно умалчивается о том, кто был истинным творцом и душой этого российского взлета, русского расцвета. Говорят иногда об «общественных силах», которые, якобы, были причиной этого расцвета, называют имена отдельных государственных, политических и общественных деятелей, которые, якобы, определили российское процветание, но, как правило, утаивается то, что именно от Государя Императора исходило всё то, что предопределило необыкновенное возрождение России.

Государю было абсолютно чуждо стремление к внешнему эффекту, к поспе, к самопрославлению. Поэтому-то рядовой русский человек тех дней, воспринимая как должное, все блага российской государственности, совершенно не представлял себе того, что блага эти являются следствием очень вдумчивой, осторожной, кропотливой и самоотверженной работы, которая, изо дня в день, шла незаметно для всех, в рабочем кабинете Российского Императора.

Здесь невозможно излагать результаты этой работы. Повторим только слова И. И. Тхоржевского («Император Николай II как правитель», Сборник «Трагедия России», Шанхай, 1942): «Освободительная крестьянская политика, удвоение народного достатка... блестящие финансы, весь деловой блеск и вся только начинавшаяся «динамика» русской Империи, подъем русского просвещения, русской энергии, русской силы перед войной — теперь это — наше непобедимое «Золотое оружие», в борьбе с клеветниками-чернителями, в борьбе за добрую память Императорского русского прошлого и за благородную память нашего Государя».

Золотые слова! Они полностью подтверждаются теми сотрудниками Государя, которые помогали ему честно и искренне в его тяжелой государственной деятельности и проводили в жизнь те Его государственные мысли, о которых, к сожалению, не имели никакого понятия широкие круги русского общества. Круги эти были убеждены, что Государя занимают только парады, смо-

ГРИГОРИЙ КЛИМОВ

(Продолжение)

ИМЯ МОЕ ЛЕГИОН

Через неделю он появился в родительском доме. Небритый, с осунувшимся лицом и воспаленными глазами, в измятой форме и нечищенных сапогах, он выглядел так, словно эти дни он спал не раздеваясь. Сняв шинель, он молча прошел к кровати, где лежала его маленькая дочь.

— Максим, скажи хоть что случилось? — робко спросила мать.

— Ничего... — поморщился тот. — Я буду жить у вас...

— А как же Ольга?

— Она... Ее здесь не будет...

— Почему? Что у вас произошло?

Сидя на краю кровати и глядя на ребенка, Максим словно не слышал ничего. Потом он пробормотал каким-то чужим хриплым голосом:

— Она покончила с собой... Ее уже похоронили... И не спрашивайте меня больше ничего...

Он устало поднялся, деревянным шагом прошагал в свою комнату и закрыл за собою дверь. В горе одни ищут утешения со стороны, другие, наоборот, уединения. Чувствуя, что Максим избегает всякого сочувствия, домашние решили оставить его в покое, пока он переживет свое горе.

Каждый день, приходя со службы, Максим заходил у себя в комнату. Чтобы попасть в свою комнату, Борис вынужден был проходить через комнату брата. Тот часами лежал пластом на диване, не шевелясь, как разбитый параличом, устремив глаза в одну точку и думая о чем-то. Или он неподвижно сидел за своим письменным столом и остановившимся взглядом смотрел в темную ночь за окном, будто силился понять что-то непостижимое.

Войдя однажды в комнату, Борис увидел, что Максим сидит за столом, смотрит в пустое окно, а пальцы его играют маленьким браунингом. Он даже не слышал, как брат вошел в комнату.

— Максим! — тихо окликнул младший.

Старший вздрогнул, словно очнувшись от транса:

— Что такое?

— Дай-ка мне эту игрушку! — протянул руку Борис.

Максим растерянно посмотрел на браунинг, словно недоумевая, как он попал ему в руки, и послушно отдал пистолет брату. Борис сунул браунинг в карман и кивнул на дверь:

— На кухню мать возится с ребенком, никак не может его успокоить. Поди-ка помоги ей.

Максим опустил голову и пошел на кухню.

На следующий день Борис порядка ради осмотрел браунинг и убедился, что в обойме не хватает половины патронов. Он понюхал дуло, потом снял верхнюю скобу и посмотрел канал ствола на свет — он был мутный, с беловатым налетом. Для охотника, привыкшего после каждой охоты чистить ствол оружия до блеска, было ясно, что из этого пистолета недавно стреляли. Игрушечный браунинг был неммым свидетелем какой-то драмы. Если Ольга застрелилась, то почему нет половины патронов.

После смерти красавицы-жены Максим вел себя так, как будто из него вынули душу. Единственное, что его еще интересовало в жизни — это ребенок, живое воспоминание об Ольге. Часто он брал завернутую в пеленки дочурку на руки, прижимал ее к груди и долго смотрел на нее, словно отыскивая в ней черты любимой жены.

Но капля долбит камень, а время — человеческие чувства. Оправившись от травмы и последующей прострации, Максим постепенно приходил к себе. Первое, что он сделал, — это принес какие-то книги и теперь уже не смотрел в окно, а сидел и наморщив лоб, читал и читал. Но книги эти он почему-то тщательно прятал ото всех, а уходя, запирали их в стол. Он даже обернул бумагой переплеты, чтобы никто не видел их названия. Борис только мельком заметил, что это какие-то медицинские книги.

Так он сидел вечер за вечером, день за днем. Так прошло несколько месяцев, пока однажды Максим поднял палец и пробормотал:

— Хм, это интересно...

— Что такое? — спросил Борис из соседней комнаты.

— Да так, одна фраза... Всего две строчки...

— Что?

— Ничего... Просто так.

— А что это ты за медицину взялся?

— Ты не поймешь... Это специфическая тема...

Но теперь придется поискать в другом месте.

Когда Максим еще не работал в НКВД, а гото-

вился к карьере профессора истории, он уделял много внимания иностранным языкам и прилично читал по-английски, немецки и французски. Хотя Борис собирался учиться на инженера, но и он тоже серьезно занимался английским и немецким.

Свои поиски Максим начал с того, что притащил в дом целую кучу книг на английском языке. Эти книги он уже не прятал, а бережно поставил их на книжную полку. Все свободное от службы время он штудировал их более тщательно, чем те учебники истории, по которым он занимался в университете, что-то подчеркивал карандашом, делал какие-то выписки. И опять сидел вечер за вечером, день за днем.

Как-то Борис, устав от физики и математики, заглянул брату через плечо и протяжно свистнул. Книга, которую тот с серьезнейшим видом штудировал, называлась так: «Золотая ветвь», а внизу подзаголовок «История древних религиозных культов и магии. В двенадцати томах».

— Какой же ты это том читаешь? — с усмешкой спросил Борис.

— Десятый, — спокойно ответил Максим.

— Что хочешь научиться магии?

— Нет, просто так...

— Но ведь это же глупости.

— Нет, — мотнул головой уполномоченный НКВД. — Это не глупости, а сухая история. Фразер — знаменитый антрополог, а его «Золотая ветвь» — лучший в мире научный труд на эту тему.

— Какую тему?

— Не твоего ума дело, — коротко отрезал старший брат.

Куча книг на полке, действительно, оказалась многогранной научной монографией. Но о ком и о чем? Здесь было все, что угодно: огнепоклонники на заре человеческой цивилизации, жрецы солнца, древнеегипетский культ Озириса, кровавые идолы древней Индии и Мексики, веселые языческие боги древней Греции и Рима, кельтские друиды, негритянские колдуны, эскимосские шаманы и тому подобное. А сверху, как гарантия качества, стоял штампель «Библиотека им. Ленина».

Следом в комнате Максима стали появляться еще более странные книги. Например, «Исследование о черной магии и пактах с дьяволом, включая обряды и мистерии готской теургии, колдовства и inferнальной некротомии», ученый труд, принадлежащий перу Артура Вайта. Или «Анналы колдовства, демонологии

тры, полковые праздники, военные формы, словом всё легковесное, праздное, несерьезное.

А, вот, откроем бесценные для характеристики Государя, как человека и правителя, воспоминания, искренне преданного ему, министра финансов П. Л. Барка. (Печатаются в парижском журнале "Возрождение").

Взгляните читать, и вы сразу окупаетесь в ту, чрезвычайной значительности и серьезности, деловую атмосферу, которая царил в царском дворце. Вы узнаете, что не только смотры и парады, а буквально все отрасли народной жизни и народного хозяйства, во всей их сложности и многообразии, были досконально известны Государю, Его озабочивали, занимали и волновали.

П. Л. Барк был призван Государем на пост министра финансов для того, чтобы он осуществил и провел в жизнь те финансовые идеи, которые глубоко продумал и выносил сам Государь, руководствуясь не только интересами финансовой пользы, но и интересами народной нравственности и народной солидарности.

В рескрипте, данном на имя Управляющего Министерством финансов действительного статского советника Барка, сперва говорилось о тех впечатлениях, которые Государь получил во время своего путешествия по великорусским губерниям. "С отрадой в душе, — говорилось в рескрипте, — Я видел светлые проявления даровитого творчества в трудовой мощи Моего народа, но рядом с этим, с глубокой скорбью Мне приходилось видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств, неизбежные последствия нетрезвой жизни и подчас народного труда, лишеного в тяжкую минуту денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита. С тех пор, постоянно обдумывая и проверяя полученные на местах народной жизни впечатления и сведения, Я пришел к твердому убеждению, что на Мне лежит перед Богом и Россиею обязанность ввести безотлагательно в заведывание государственными финансами и экономическими задачами стра-

ны коренные преобразования, во благо Моего возлюбленного народа".

Дальше проводилась мысль о невозможности в дальнейшем строить благосостояние казны на доходах от казенной продажи вина и о необходимости изыскания других видов государственного дохода.

Здесь нет возможности излагать подробности той кропотливой и настойчивой работы в области оздоровления русских финансов, которая, под внимательным взглядом Государя, повелась после приведенного выше рескрипта. В лице П. Л. Барка Государь нашел верного, честного и талантливого исполнителя его предначертаний. В его лице Государь нашел и честного историка, который в своих воспоминаниях дал живое и беспристрастное описание того, как работал Император Николай Александрович. Из воспоминаний этих мы видим, что Государь, вопреки тому, что выпускала о Нем лживая молва, на самом деле, "на троне вечный был работник".

И, если бы и все другие царские министры, оставили о Государе такие же правдивые воспоминания, какие оставил П. Л. Барк, — созидательная деятельность Российского Императора представлялась бы нам во всей своей многозначности, значительности и блеске.

Ведь совершенно легко представить себе, на месте П. Л. Барка, всякого другого министра, военного ли, просвещенного ли, юстиции, докладывающего, подобно Барку, дела своего ведомства. Конечно, во все эти дела, как и в дела финансовые, Государь вникал со всем вниманием и добросовестностью, которые были ему свойственны в самой высокой степени. Конечно, во всех этих делах, он был, как дома, и имел на каждый предмет свой собственный взгляд, свои собственные идеи, воплощавшиеся в жизнь и одухотворявшие ее.

"...Государь, — писал И. И. Тхоржевский, — кроме обаятельной тонкости, обладал и многими другими, незаменимыми для царского ремесла свойствами. Редким чувством долга, дисциплины, точностью в труде, умственной и душевной трезвостью. Не любил он только бить на широкий внешний эффект; у него было почти преувеличенное душевное изящество скромности. Этим Он отличался от многих своих министров".

Обо всем этом, особенно в скорбные дни всенародного траура, мы неустанно должны помнить и неустанно твердить для назидания потомству.

Г. Месняев

ГАЗЕТА
"РУССКИЙ ИНВАЛИД" № 158
продается:
в магазине бр. Лашкевичей (ул. Леандро Алем № 1140) и в киоске при Кафедральном Соборе (Нуньес 3541).

КОМИТЕТ И ПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИИ В АРГЕНТИНЕ СО ВСЕМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, В КОЛОНИИ СОСТОЯЩИМИ, А ТАКЖЕ ОРГАНИЗАЦИИ, С КОЛОНИЕЙ СОТРУДНИЧАЩИЕ, ПРИГЛАШАЮТ НА СОБРАНИЕ

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

которое состоится во вторник 17-го августа в 16 час. в зале "Ла Аргентина" (ул. Родригес Пенья 361, в столице) по нижеследующей программе: КРАТКИЕ ДОКЛАДЫ Проф. Ф. В. Вербицкого и С. А. Якимовича.

КОНЦЕРТ — участвует группа артистов Лидии Казамаровой: г-жи Мара Амидич, Лидия Казамарова, Татьяна Роговая-Кульбицкая, Альба Итали Нуньес, Елена Самсонова и г-да Виктор Трофимов, Юрий Филичев, Орарио Ядисерния.

ДЕКЛАМАЦИЯ — участвуют: гр. И. Пален и члены труппы О-ва Друзей Русского Театра г-жа И. Ланская и г-н Ю. Бочаров.

СЦЕНА ИЗ ДРАМЫ К. Р. "ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ" в исполнении Витязей и "Вожатых": Ольги Ивановой, Марии Уваровой, Алексея Севрюгина Алексея Дрейлинга, Алексея Нечаева.

Вход свободный. При входе пожертвования на покрытие расходов.

ДОМ РУССКИХ БЕЛЫХ

(Карлос Кальво 2851, тел. 97-0447)

В воскресенье 12-го сентября 1965 года

состоится

КОНЦЕРТ

при участии: И. Н. КОВАЛЕВСКОЙ, С. Ф. ШВЕДОВОЙ и В. Ф. ТРОФИМОВА

У рояля маэстро: Х. ОСАНА

В программе: русские и иностранные композиторы.

С. Ф. Шведовой и И. Н. Ковалевской будет исполнено несколько дуэтов. Выход — 100 песо.

Начало в 16 час.

Доход предназначается на покупку стульев для ДРБ.

ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ В ЧЛЕНЫ КРЕДИТНОГО КООПЕРАТИВА

"XX ВЕК"

утвержденного 25-го февраля 1965 года правительственным декретом № 243. Регистрационный № 5666. Кооператив имеет все права юридического лица. Пай 5000 песо (количество паев не ограничено). Вступительный взнос 500 п.

В задачу деятельности Кооператива входит: взаимопомощь, ссуды членам Кооператива и другие финансовые операции.

Кооператив принимает вклады на сберегательную книжку, на определенный срок и платит 12% годовых.

Канцелярия Кооператива открыта по пятницам от 18 до 20 часов.

Адрес: Карлос Кальво 2851, 3-й этаж (Дом Русских Белых), тел. 97-0047.

В воскресенье, 19-го сентября 1965 года,

ПРИВИДЕНИЯ

драма Г. ИБСЕНА

Зал "Консехо де Мухерес", Чаркас 1155.

и астрологии в Западной Европе", изданные в Нюрнберге в 1623 году. А рядом пожелтевший трактат на тему "Магнетизм, спиритуализм и оккультные науки".

— Зачем ты тратишь время на всякую чепуху? — спросил Борис.

— Это не чепуха, — ответил брат.

— А что же это такое?

— Это совершенно серьезные книги, написанные серьезными учеными. Они пытались разрешить некоторые загадки.

— Как делать золото из свинца?

— Нет, совсем другое...

— А что же?

— Ты этого не поймешь, — согнулся над своей работой Максим. — И не мешай мне.

Затем на столе уполномоченного НКВД очутилась целая стопка протоколов. Но это не были дела о контрреволюционерах, правых и левых уклонистах и прочих врагах советской власти. Это были средневековые манускрипты на английском языке с такими иностранными названиями:

"Подробный и правдивый протокол о чрезвычайно поучительном процессе трех отменных ведьм из селения Делфорд, в графстве Эссекс, перед судьей короны многоуважаемым сэром Франсисом Пэмбертоном в замке Экзетер в пятницу 2-го июня 1682 года, с собственноручными обследованиями и заключениями очень известного медника доктора Генри Хирса, как эти негодницы сознались в колдовстве и были приговорены к казни согласно определению закона, и как это записано согласно показаний достопочтенных свидетелей. Отпечатано в Лондоне в 1682 году".

Или такой протокол:

"Отчет о Марагарите Хаккет, известной ведьме, которая довела одного молодого человека до смерти, разбросала его внутренности и кости во все стороны, и которая была казнена в Тирборне 19 февраля 1585 года".

Или вот такой документ:

"Материалы суда над ведьмой Мэри Грин и ее дочерью Элли, которая тоже упражнялась в колдовстве, как они сознались в предумышленном отравлении нескольких почтенных людей и других нечестивых поступках в результате пакта с дьяволом, и как они по приговору суда были казнены в Хартфорде 4 августа 1606 года".

Перелистав эти мрачные документы, Борис с не-

которым беспокойством посмотрел на брата, который сосредоточенно штудировал очередной протокол XVI века:

— Скажи, Максим, чем ты, собственно, занимаешься?

— Просто меня интересуют некоторые вещи...

— Какие вещи?

— Это тебя не касается.

— А почему это тебя касается?

— Это мое дело.

— А ты, может быть, немного того? — младший многозначительно постучал себе пальцем по лбу.

Старший устал от потер воспаленных глаз и зевнул:

— Нет, об этом не беспокойся — и не приставай ко мне.

Так проходил месяц за месяцем, а Максим, как одержимый, все копался в своих средневековых трактатах. После ведьм, словно проверяя что-то, он опять взялся за какие-то медицинские книги, которые он опять прятал ото всех. При этом он время от времени бормотал себе под нос:

— Ну да... Так и есть... Только другими словами...

— Что? — спрашивал младший сквозь полуоткрытую дверь.

— Ничего, — отвечал старший.

Затем он снова прыгнул в глубину веков, но уже не так далеко. Теперь он штудировал серию книг из области криминалистики: "История необычайных преступлений XVIII века" или "Порок и преступление в XIX веке" и тому подобное. Он охотился за чем-то, как артиллерист, пристреливающийся к цели — перелет, недолет, потом все ближе и ближе. Но цель Максима лежала где-то во тьме средневековья.

Однажды вечером, придя домой со службы и снимая шинель, он не выдержал и похвастался:

— Вот сегодня я допрашивал интересного человека...

Чувствовалось, что он напрашивается на вопрос. Борис поднял голову от учебника по геометрии:

— Какого человека?

— Одну старую-престарую проститутку. Самую старую, какую только нашли. По всем тюрьмам искали.

— Зачем она тебе понадобилась? Да еще такая старая?

— Нужно кое-что узнать. Есть такие непечальные вещи, которые не найдешь ни в каких книгах.

Зато это хорошо знают опытные проститутки — и не стесняются об этом говорить.

— Зачем тебе это знать?

— Потому что порок всегда связан с преступлениями.

— Что же она тебе сказала?

— Много интересного. Сейчас я собрал по тюрьмам ряд уголовных дел, которые по форме совпадают с теми преступлениями, в которых обычно обвиняли ведьм. Теперь я на практике проверяю то, что писалось во всех этих книгах. Понимаешь? Получаются очень забавные результаты... Очень забавные...

— Как же ты это проверяешь?

— Расспрашиваю их про родителей, про личную жизнь... Они думают, что я сокращу им сроки заключения...

— А зачем тебе это нужно?

— Просто так... — уклончиво ответил уполномоченный.

Через полгода после самоубийства Ольги Максим вдруг получил на службе специальный отпуск для работы над научной диссертацией. Каким-то образом эта работа была связана с НКВД — он числился в штате, получал свое жалование — и никому не называл тему своей диссертации. Весь день он сидел дома за закрытой дверью и рылся по библиографическим справочникам.

Он получил возможность собирать свою собственную коллекцию книг, необходимых для его научных изысканий. На титульном листе теперь уже стоял штемпель "Научно-исследовательский спецфонд НКВД". Через посредство НКВД он заказывал некоторые книги даже за границей. Это была странная коллекция на темы, казалось бы, совершенно не связанные друг с другом: трехтомное сочинение Генри Ли "История средневековой инквизиции", а рядом либретто оперы Пуччини "Принцесса Турандот"; философские "Диалоги" Платона, а рядом опять какие-то пожелтевшие трактаты о нечистой силе. Во всех этих книгах Максим что-то подчеркивал красным карандашом, некоторые места, видимо, особенно важные, он отмечал цветными заклеяками с шифром и одновременно делал заметки в толстую синюю папку, которую он всегда запирает в стол.

Григорий Климов

(Продолжение следует)

С. Л. Войцеховский

ВЕНОК НА МОГИЛУ К. Н. НИКОЛАЕВА

Каждый человек отмечен особым свойством. Это знают поэты и художники. Портрет тем и отличается от фотографии, что раскрывает это свойство.

Постоянство душевного облика — удел немногих. Годы меняют каждого. Старик иногда становится неузнаваемым, но существуют люди, в которых юноша не умирает. Таким «молодым стариком» был **Константин Николаевич Николаев**, который скончался в Глен-Кове под Нью-Йорком 23-го июня 1965 года.

— Его личность, его характер, весь его стиль, — написал Г. В. Месняев в некрологе, — сложились под влиянием той особой, бодрой и светлой атмосферы, под влиянием силы, подъема и расцвета, которые отличали русскую жизнь в предреволюционные десятилетия.

Нельзя удачнее определить главное качество К. Н. Николаева — он родился в царской России, любил царскую Россию и провозглашал эту любовь в течение всей своей долгой жизни.

На родине и за рубежом становится все меньше людей, для которых дореволюционная Россия — не только сказочный сад детских воспоминаний. Давно состарились те, кто на школьной скамье услышал о исковском отречении. К. Н. Николаев не только помнил великодушную Империю — он участвовал в ее жизни и мог поэтому стать после крушения певцом ее славы.

Он родился в Киеве 1-го апреля 1884 года, там же окончил гимназию и — в бурные дни «первой революции» — юридический факультет Владимирского университета. Он был затем пять лет помощником присяжного поверенного В. Э. Неметти и, в сентябре 1911 года, стал полноправным членом киевской адвокатуры, сразу обратившим на себя внимание, как талантливый защитник по уголовным делам, а затем и как опытный представитель гражданских интересов своих доверителей.

Он был юнцом, если смотреть на Киев из Петербурга и Москвы, но Юг был в нем не только географией. Темные глаза, вьющиеся кудри над выразительным лицом, оживленная общительность, страстная уверенность в своей правоте — все это было в нем Югом.

Он не был холодным, расчетливым юристом. Право не было для него сухим сводом параграфов и законов — он его не отделил от правды. Судебная реформа Царя-Освободителя привлекла его тем, что она — как однажды выразился архиепископ Никон — «открыла двери народному представительству и творчеству, свободе и гуманнейшему, милостивейшему судопроизводству».

13-го декабря 1964 года в Нью-Йорке, по его почину, было отмечено столетие судебных уставов Императора Александра II.

— Император, — сказал тогда К. Н. Николаев, — соединился со своим народом ради осуществления в суде правды и милости и для этой возвышенной цели были привлечены представители народа, присяжные заседатели. Проект присоединения к коронному суду присяжных заседателей встретил большое сомнение в лице выдающегося профессора А. Чебышева-Дмитриева и В. Д. Спасовича, основоположника русской адвокатуры. Они сомневались в доступности простому русскому человеку разрешения судебных дел, часто весьма сложных, и потому введение учреждения присяжных считали просто невозможным, но Государь видел дальше, нежели ученые, и глубоко ощущал духовное свойство русского народа. Простые крестьяне не только понимали «господ» в лице членов суда, прокуратуры, адвокатуры, экспертов, но установили деловую обстановку, проникнутую гармоническим соединением опыта повседневной жизни и теоретического знания, обстановку взаимного доверия, дававшую глубокое чувство нравственного удовлетворения, а часто и умиления. Русские присяжные заседатели смотрели в суде на жизнь открытыми глазами и указывали на недочеты и дефекты государственной и общественной жизни.

Как присяжный поверенный, он не мог умолчать о смысле и задаче судебной защиты.

— Хотя защитник, — сказал он тогда же, — участвует в процессе только своим советом и освещением дела, не принимая непосредственного участия в его

разрешении, но он является нравственно ответственным.

Говоря — как оказалось — в последний раз о русском дореволюционном суде, он воздал ему должную хвалу.

— Всякое преступление, — воскликнул он, — является несчастьем. Преступление никогда и никому не давало радости. Оно вносит в жизнь только страдания и осложнения. Природа преступлений непостижима и нет средств освободить человечество от них... Поэтому-то наши присяжные заседатели решали не исключительно о факте преступления, а о нравственном облике совершившего преступление. Для них, как и для русских судей, подсудимый всегда являлся живым человеком. Судить человека по совести, это значит быть правдивым и милостивым. Вот то сознание, с которым подходили присяжные к выполнению возложенного на них долга. Им не надо было навязывать «милости и правды», написанных на фронто-не суда... Это вытекало само из их душевного склада. Величайшая философская проблема о праве суда и наказания разрешалась в чистоте и ясности творящего духа заседателей. С гордостью и умилением мы вспоминаем нашу достойнейшую магистратуру и прокуратуру, которые, вместе с блестящей адвокатурой, отдавали все свои силы и знания тяжелой судебной деятельности, высоко неся врученное им Царем-Преобразователем знамя русского суда.

Сказанная за полгода до смерти К. Н. Николаева, эта речь может быть названа его завещанием. Она не была завещанием политическим. Он не был политиком, никогда — насколько я знаю — не был членом политической партии или организации, но неустанное провозглашение правды о русском дореволюционном суде, постоянные призывы к его восстановлению были политической борьбой с жестокостью и незаконным захватчиками власти. Любовь к России, преклонение перед ее историей, привязанность к ее государственной традиции причисляли его к тем, кого мы — по старой памяти — называем правыми.

Колыбелью его мировоззрения был древний город над Днепром, где он родился и прожил 35 лет. В эти дореволюционные десятилетия Киев был далек и от придворной фронды Петербурга, и от московского дворянского либерализма, и от тайного братания левой части русского общества с парижским Великим Востоком. Став в XIX столетии культурным и политическим центром юго-западной Руси, Киев — лучше Москвы и Петербурга — понимал опасность революционных потрясений и расчленительских интриг. Киевская русская интеллигенция, к которой К. Н. Николаев принадлежал по рождению, не почувствовала революции. Поэтому, революция разлучила его с Киевом.

Когда петлюровцы, в декабре 1918 года, изгнав Скоропадского, заняли город, К. Н. Николаеву пришлось отсюда поспешно уехать. Побывав в Одессе, Новороссийске и Екатеринодаре, он — через Константинополь, Рим и Вену — пробрался в Варшаву, но пробыл в Польше недолго. Вступление Добровольческой Армии в Киев позволило ему туда вернуться.

28-го ноября 1919 года он, в последний раз, участвовал, как присяжный поверенный, в рассмотрении гражданского иска киевской судебной палаты. Через два-три дня ему опять пришлось расстаться с городом, на этот раз — навсегда.

Временным пристанищем стала для него Одесса. Оттуда — 23-го января 1920 года — генерал Н. Э. Бредов выступил в долгий и трудный зимний поход и привел свои войска и многочисленных беженцев в Польшу. К. Н. Николаев был участником этого похода. 20-го марта он оказался в Варшаве. В его жизни началась новая, эмигрантская, полоса.

Ее начало было, несомненно, трудным. Он был одинок — семья осталась в Киеве и выбралась оттуда позже, через три года. Польша была тогда государством без установленных границ. Все в ней казалось временным, неустойчивым. Хозяйство было разорено войной, для поляков еще не оконченной. Им еще предстояло дать в августе отпор Буденному и Тухачевскому и разбить

их полчища на Висле. Русских эмигрантов было много, но никто о них не заботился.

Поляки поддерживали Политический Комитет, созданный социалистом-революционером и бывшим террористом Б.В. Савинковым. С ним сотрудничали некоторые либеральные и даже консервативные эмигранты, но участие К. Н. Николаева ограничилось составлением нескольких пропагандных антисоветских брошюр.

Существовавшая в Варшаве Российская дипломатическая миссия была назначена парижским Советом Послов и считала себя представительницей генерала П. Н. Врангеля. Она выдавала, вместо паспортов, удостоверения, на которые тогда еще ставились иностранные визы, но больше ничем помочь не могла. Основанный в 1918 году Российский Комитет, первым председателем которого был бывший член Государственной Думы Искрицкий, не подавал признаков жизни. Он возродился позже, после заключения рижского мира между Польшей и большевиками. К. Н. Николаев был избран членом правления, но этому предшествовал данцигский эпизод, о котором я не знаю ничего точного.

В составленных им самим «кратких биографических данных» сказано, что он был в 1922 и 1923 году представителем Комитета в Данциге. Мне не удалось узнать, чем был вызван его отъезд из Варшавы в вольный город, отнятый от Германии версальскими миротворцами. Этот переезд К. Н. Николаева совпал с высылкой из Польши русских эмигрантов, обвиненных в создании тайной монархической и антисоветской организации. Польское министерство внутренних дел обвинило в этом Л. И. Любимову, наладившую в Варшаве, под флагом Красного Креста и на средства своих иностранных друзей, щедрую помощь русским беженцам, ее мужа Л. Н. Любимова, Б. Р. Гершельмана, Н. Ф. Фабрициуса, М. М. Пушина и еще несколько человек. Но в списке, опубликованном тогда польскими газетами, нет К. Н. Николаева. Его скорое возвращение из Данцига заставляет предположить, что отъезд был добровольным.

Российский Комитет в Польше, ежегодно переизбиравший В. И. Семенова своим председателем, ютился в трех комнатах небольшой квартиры на Подваляе — так называлась улица, некогда проложенная под уничтоженным впоследствии южным валом средневековой Варшавы. Старинный, мрачный дом принадлежал православной церкви Св. Троицы, построенной греческими купцами еще до разделов Речипосполитой. Может быть, для того, чтобы скрыть этот храм восточных «схизматиков» от глаз правоверных католиков, он был спрятан в глубине небольшого двора, где, в те годы, после воскресной литургии, долго раздавалась русская речь и случались неожиданные встречи. С трех сторон этот двор был окружен широкими крепостными стенами приходского дома и отделен от улицы тяжелыми воротами. Одна из комнат Комитета была отведена библиотеке имени Л. Н. Толстого, в другой собиралось правление, в третьей жил делопроизводитель, подполковник В. И. Пананот.

Я познакомился с К. Н. Николаевым после его возвращения в Варшаву, но память не сохранила впечатлений от первых встреч. Нас разделял не только возраст — я был очень молод, а ему было сорок лет, — но и взгляд на эмиграцию. Он был увлечен заботой о русской начальной школе и помогал В. И. Семенову в его сношениях с польскими учреждениями. Во мне были свежи воспоминания о встречах с И. Л. Солоневичем в Одессе и в Ананьеве, о подпольном Союзе Освобождения России, о нелегальном переходе польско-советской границы. Я был, для заработка, сотрудником «Русспресса», снабжавшего информацией польские и иностранные газеты, но, по душевному влечению, участником организации, которая надеялась возобновить в России активную, вооруженную борьбу. С молодым задором я отмахивался от заграничных русских начинаний, а когда события — выстрел Б. С. Коверды, подготовка его судебной защиты, покушение моего брата Юрия на жизнь советского торгового представителя в Польше Лизарева — сблизили меня с В. И. Семеновым, изменили мое отношение к общественным организациям, К. Н. Николаев больше не был членом Комитета — в 1926 году митрополит Дионисий, возглавлявший

автокефальную Православную Церковь в Польше, предложил ему должность юрисконсульта канцелярии ее Синода и он это предложение принял. Оно его вовлекло в жизнь православного населения Польши — местных граждан, от которых эмигранты были отделены множеством полицейских перегородок и административных правил.

В ту пору я уже знал К. Н. Николаева, как оратора, участника собраний, выражавших нашу антисоветскую неприязнь. Его природное красноречие было тогда озарено ярким блеском этого таланта, звучным голосом, уверенным жестом. Он никогда не бывало заученным. Он выходил на эстраду, как артист, начинающий импровизацию, наметивший тему и мотив, но не его продолжение. Он был весел, остроумен. Шутка, меткое сравнение покорила зал, возбуждали долгие аплодисменты.

Этот успех давался не легко. Варшава не была таким большим эмигрантским центром, как Париж или, даже, Берлин, но и там можно было услышать превосходных докладчиков и лекторов.

Один из членов правления Российского Комитета, его будущий председатель, генерал П. Н. Симанский, привлекал внимание спокойным, обоснованным, убедительным словом. Он мог взволновать аудиторию описанием русского горя или коротким, потрясающим рассказом о жестокостях большевиков. Его будущий преемник во главе Комитета, бывший гласный московской городской думы Н. Г. Буланов был соперником К. Н. Николаева по плавности речи, по умению зажечь вспышку одобрения. Редактор газеты «За Свободу» Д. В. Философов появлялся в эмигрантских собраниях редко, но его великолепная внешность, власть, страсть к беспощадной и язвительной полемике делали каждое появление событием. Политический, он был либералом и масоном, но, по темпераменту, неограниченным самодержцем. Немногочисленные русские демократы и республиканцы, жившие тогда в Варшаве, дружно его ненавидели. Их трибуном был инженер П. Э. Бутенко, приверженец П. Н. Милюкова. Он был провинциальнее Д. В. Философова и П. Н. Симанского, грубее Н. Г. Буланова, но смел, находчив и умен.

Русская молодежь, не только эмигрантская, но и перекочевавшая в Варшаву из «восточных воеводств» — Виленщины, Волыни и Полесья — для получения высшего образования в польских школах, училась на этих образцах словесному искусству. К. Н. Николаев увлекал ее живой и образной риторикой, но мне она иногда казалась феерическим, не оставляющим следа. Через три десятилетия, в Нью-Йорке, неизбежное в его возрасте потускнение прежнего блеска искупалось во-стократ душевным подъемом и глубокой болью, причиняемой ему страданием русского народа. Слезы появлялись на его глазах, когда он говорил о гонении на веру в России, и им часто отвечали слезы тех, кто его слышал.

Тот 1926 год, в котором он стал юрисконсультом варшавского православного Синода, был для Польши годом большой перемены — после парламентских конвульсий, после быстрой смены непрочных коалиций, власть перешла в жесткие руки Пилсудского.

Этот мелкопоместный шляхтич, бывший революционер и социалист, ставший маршалом, злейший враг Российской Империи и, пожалуй, любой России, был в душе романтиком, мечтателем о триедином государстве Польши, Литвы и западной Руси. Будучи в 1915 г. командиром польских легионов, входивших в состав австрийской армии, он сказал графу Стефану Бадени: «Я — не поляк, а литвин».

Казалось бы, желание раздвинуть Польшу за ее этнографические пределы должно было побудить поляков к веротерпимости. Только она могла привязать к новой Польше ее граждан — православных и униатов, — для которых Варшава, неожиданно, стала щитом от советского безбожия.

Пилсудский не был ревностным католиком, но его преемники, провозглашавшие, на словах, «агеллонскую идею» национального равноправия, оказались, на деле, не только польскими, но и религиозными шовинистами. Найдя в православном духовенстве несколько пособников — протопресвитера Симеона Федоронько, протопереев Георгия Шретте-

ра и Константина Семашко, священников Леонида Касперского и Ростислава Олехновича — они объявили своей целью пелонизацию православия, попробовали заменить церковно-славянский богослужебный язык польским. В декабре 1937 г. началось насильственное обращение православных крестьян в католичество. В 1938 г. произошло варварское разрушение церквей — на одной только Холмшине было тогда уничтожено 114 храмов. В 1939 г. прот. Симеон Севбо — будущий архиепископ Стефан — был арестован и заключен в концентрационный лагерь.

К. Н. Николаев не был свидетелем этих событий. Его час пробил раньше. 27-го ноября 1933 года он был выслан из Польши, как "нежелательный иностранец".

Годы его службы в варшавском Синоде были для него счастливой порой. Он был занят нужным и полезным делом, обеспечен всем необходимым. Жизнь в Варшаве была легкой и обильной. Близость к митрополиту Лионисию позволяла — несмотря на эмигрантский паспорт, запрещавший поездки в "восточные воеводства" — бывать где угодно, участвовать в церковных торжествах. Помню фотографии крестного хода в Почаевской Лавре. Предшествующий духовенством, из собора выходит митрополит. Перед ним расступается небольшая толпа паломников и богомольцев, а за ним, в нескольких шагах, идет сияющий К. Н. Николаев.

В те же годы появились его заграничные печатные труды. В 1927 году был издан опыт характеристики суда присяжных в России. Книга о правовом положении Православной Церкви в Польше была напечатана дважды. В 1931 году были опубликованы объемистые "замечки на проект брачного права, выработанного кодификационной комиссией польского Сейма". В том же году была написана его анонимная брошюра о воссоединении униатов и о конкордате Ватикана с Россией.

Когда в 1930 году польское правительство позволило митрополиту Лионисию созвать в Варшаве предсоборное совещание, К. Н. Николаев, как юрисконсульт Синода, был единственным эмигрантом, участвовавшим в этом совещании.

Благополучие оказалось непрочным, но неотъемлемым приобретением этих лет остался для К. Н. Николаева совпавший с ними его духовный рост.

В молодости он не был человеком церковным, знал русское благочестие по наслышке. Церковь, ее история, быт и строй были для него землей неведомой. Архиепископ Никон рассказал в надгробном слове, сказанном 26-го июня 1965 года в синодальном соборе Знамения Божией Матери, что митрополит Лионисий, познакомившись с К. Н. Николаевым, спросил, слышал ли он когда-либо имя знаменитого русского перарха, митрополита Антония (Храповицкого). Это имя знала вся церковная Россия, но К. Н. Николаев ответил:

— Нет, не слышал...

Став сотрудником церковной власти, он даже в неблагоприятной обстановке польской автокефалии, приобщился к Церкви, присмотрелся к ней, стал участником ее богослужений, увидел на родное почитание святынь и, незаметно, из человека, равнодушного к вере, стал верующим христианином.

Летом 1929 года польский католический епископат предъявил Православной Церкви требование о передаче католикам Почаевской Лавры, нескольких монастырей и 724 храмов, некогда принадлежавших униатам. Оно было поддержано рядом судебных исков.

Высшая церковная власть, — рассказывает историк православия в Польше, А. К. Свитич, — признала в экстренном порядке необходимым образовать при Синоде, под непосредственным наблюдением его юрисконсульта К. Н. Николаева, особую комиссию по организации судебной защиты святынь и церковного имущества.

Как бесподанный эмигрант, К. Н. Николаев не мог быть представителем Синода в судебных учреждениях, рассматривавших эти иски. Другие юристы — бывший польский товарищ министра юстиции Рымович, профессор Алдерданд, львовский адвокат Штернберг — защищали интересы Православной Церкви, но на К. Н. Николаева легла подготовка этой защиты и ему же она была обязана успехом.

— Благодаря стараниям К. Н. Николаева, — сообщает А. К. Свитич, — удалось розыскать распоряжение генерального комиссара восточных земель и фронта от 22-го октября 1919 года, никем не отмененное, в силу которого изъятие святынь от православного духовенства и передача их римо-католическому духовенству могло иметь место, в каждом отдельном случае, только на основании распоряжения начальника округа.

Хотя, вопреки этому закону, православное население Польши лишилось в первые три года ее существования 400 церквей, отнятых или разрушенных поляками, верховный суд польской республики в Варшаве, 15-го ноября 1933 года, признал неотмененный закон достаточным основанием для отклонения исков.

Через 12 дней К. Н. Николаев и его семья были высланы из Польши в Югославию.

Нелегко быть эмигрантом. Еще труднее стать эмигрантом вторично. Это знают те русские люди, которым пришлось в сороковых годах бросить балканские и балтийские страны, Польшу, Венгрию или восточную Германию и наладить на Западе второе зарубежное существование.

Оказавшись в Белгарде, К. Н. Николаев это испытал. Справедливо считая себя жертвой провозгла, пострадавшей за православие, он был горько удивлен равнодушием к его судьбе.

Я — изгнанник, я — двойной изгнанник, — говорил он новым знакомым. Он не сразу понял, что борьба за церковь и монастыри где-то в далекой Польше не волновала русских жителей Белграда так, как она волновала православных варшавян.

Деньги — их было мало — скоро иссякли. Жить стало не на что. Помог патриарх Варнава. В его канцелярии К. Н. Николаев нашел скромное пристанище. Отозвалась на его нужду Русская Зарубежная Церковь, но она сама была бедна.

Просветом была, в эти трудные дни, встреча с митрополитом Анастасием. Он пленил К. Н. Николаева сочетанием мудрости, государственного кругозора с монашеской скромностью и неиссякаемым вниманием к людям и событиям. Возникли привязанность и почитание. К. Н. Николаев сохранил их навсегда.

В 1938 году он участвовал в Сремских Карловцах в зарубежном церковном Соборе и представил ему четыре доклада. В следующем году появилась его книга — "Судьбы Православия" — содержащая эти доклады.

Война прервала в 1939 году связь между Варшавой и Белградом. После войны нас разделили зоны, на которые тогда распалась Германия. К. Н. Николаев жил в Баварии.

Существуют рассказы о волнении и горе, которым он отозвался на принудительную репатриацию. В феврале 1946 года он организовал в Мюнхене церковно-благотворительный комитет. Спасение "новых эмигрантов" было его главной целью. В апреле состоялся епархиальный съезд. К. Н. Николаев представил этому съезду записку о положении эмигрантов и резолюцию в защиту бывших советских граждан. Эта записка была напечатана и распространена на четырех языках.

В августе 1946 года он основал Общество русских зарубежных юристов в Германии, стал его председателем и редактором его "Записок". Кроме мемуаров о положении эмигрантов, в Мюнхене были изданы его "Замечания на проект устава И.Р.О.", записка о "социальных факторах преступности среди эмиграции и о мерах борьбы с этим злом" и брошюра о "пророческом смысле русской литературы XIX века".

В апреле 1949 года он переселился в Нью-Йорк. Из Европы он привез рукопись книги о "дороге Рима в Россию". Эта книга — "Восточный Обряд" — была, год спустя, напечатана в Париже. Она остается до сих пор единственной русской историей попыток Ватикана использовать православную обрядность для распространения католичества.

— С той поры, — написал Г. В. Месняев о переезде К. Н. Николаева в Америку, — его жизнь проходила целиком у нас на глазах. Все русскому Нью-Йорку стали привычно-знакомы и его сановитый облик стареющего русского барина, и его общительная манера об-

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы: от князя С. С. Белосельского-Белозерского (июль) — 25 долл. и от него же (август) — 25 долл., от А. А. Бабакина — 4.50 долл., от о. Спиридона — 2.50 долл., от Васи Лапина — 4 австр. паунда, от г. "Х" — 5 фр. фр., от "доброжелателя, пожелавшего остаться неизвестным" — 3 доллара.

НА ПОКРЫТИЕ РАСХОДОВ ПО ЛЕЧЕНИЮ В. К. ДУБРОВСКОГО поступили следующие суммы: от друга юности — о. Валента — 600 песо, от А. А. Бабакина — 2 долл., от о. Спиридона — 2.50 долл. от Ус-Маковских — 3.60 долл., от Н. Сапрунова — 2 долл.

ращения с людьми, и его своеобразный нрав, и склонность пожить со вкусом, принять и угостить друзей, повести беседу с умением и блеском.

— В феврале 1950 года, — сказано в том же некрологе, — Константин Николаевич организовал Объединение русских юристов... Это Объединение стало его любимым детищем. В его одинокой жизни оно, в какой-то мере, заменило ему семью, было его радостью и утешением. Он предполагал в начале июня отпраздновать пятидесятилетие своего Общества. Судьба судила иначе.

Празднование не состоялось, но памятник Объединения будет пять выпусков его вестника "За Право и Правду". Нужно сохранить их в библиотеках и музеях, собирающих литературу русской эмиграции. Четвертый выпуск посвящен реформам Царя-Освободителя, пятый — Царю-Мученику, как К. Н. Николаев всегда называл Императора Николая Александровича. Екатеринбургское злодеяние тревожило его русскую совесть. Он верил, что настанет день, когда вся Россия падет на колени перед домом Ипатьева. Две речи, сказанные им в годовщину царевубийства, были опубликованы Объединением юристов.

Как каждый человек, К. Н. Николаев испытал осуждение, насмешки и вражду. Он сам иногда их вызывал. Отмеченный Г. В. Месняевым "своеобразный нрав" был причиной многих столкновений. Они не миновали ни его друзей, ни участников его общественных дел, но, обыкновенно, кончались скорым примирением. Он был вспыльчив, но отходчив и незлобив. Признав ошибку, он спешил ее исправить.

В последние годы его беспокоила участь его архива. Этот архив — говорил он, — пригодится историку русской эмиграции. Он начал писать воспоминания, но довел их только до 1926 года. Его служба в Синоде Православной Церкви в Польше, его участие в защите этой Церкви, высылка в Белград, жизнь после этой высылки в Европе и в Америке им не описаны.

До внезапной болезни он — несмотря на преклонный возраст — был бодр и казался здоровым. Последствием удара был частичный паралич. Он сознавал безнадёжность своего положения, но смерти не боялся. Она пришла, внезапно и безболезненно.

Предсмертные недели были скрашены заботой Объединения юристов, князя С. С. Белосельского и двух русских газет, собиравших деньги на его лечение. Русские эмигранты щедро откликнулись на этот сбор.

В день его отпевания я стоял у гроба и смотрел на лицо, уже тронутое синевою тления — того тления, которое, неизбежно, ждет каждого из нас. Хор пел о том, что человек — земля и в землю возвращается.

Я вспомнил русскую землю, в которую он не вернулся; вспомнил Лавру, которую он спас для православия и которую теперь постигла новая беда. Я подумал о том, как мелки, незначительны и суетны наши эмигрантские разногласия в потрясенном мире, которому угрожает одновременное уничтожение многих миллионов человеческих жизней.

Протоиерей, возглашая имя новопределенного раба Божия Константина, предврал его именем митрополита Анастасия. Это сочетание молитвы об усопшем с молитвой об его любимом архипастыре звучало удивительно в том храме, где так недавно Русская Зарубежная Церковь прощалась со своим первоиерархом...

С. Л. Войцеховский
Июль 1965 г.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

ГОДОВОЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ
КРЕДИТНОГО КООПЕРАТИВА
"XX ВЕК"

В воскресенье, 13-го июня с. г., в ДРБ состоялось Годовое Собрание членов Кредитного Кооператива "XX век". Выслушав доклады о деятельности К-ва, собрание вынесло благодарность В. Б. Михаленко за труды и хлопоты в деле получения Кооперативом юридического лица и Н. К. Дубине за образцовое ведение финансовой отчетности К-ва. Кооперативом до Общего Собрания выдано три четверти миллиона песо ссуд. Собрание вынесло также благодарность правлению ДРБ за предоставление отдельного помещения К-ву, взимавшему за это сумму не превышающую расходов по оплате электричества и уборки. В новое правление выбраны: В. Б. Михаленко — председатель, Н. М. Седяревич — вице-председатель, О. В. Милутинович — секретарь, Н. К. Дубина — казначей. Членами правления Р. А. Ловцов и Д. А. Фишкин, кандидатами П. С. Аладьев и Г. А. Плотников. Синдиком (контролер) выбран д-р Н. И. Тер-Симонянц.

ДИАБЕТ — НЕЗДОРОВАЯ ПОЛНОТА INSTITUTO PRIVADO DE DIABETES

ВСЕСТОРОННЕЕ ЛЕЧЕНИЕ ПО
НОВЕЙШИМ МЕТОДАМ ВСЕХ
ФОРМ ДИАБЕТА

SAN JUAN 2831 — CAPITAL

Предварительная запись
по телефону 992-7948.

ЗУБНОИ ВРАЧ Dra. PISAREDICH de HORNBAIN

Docenta de Facultad de Odontología

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов.

Бор - машина Ultrasonico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 15 до 20 час.

Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. H

Capital T. E. 88-3605

(Один квартал от станции субтер-

вико "Пуэйредон" по линии Федер-

ико Лакросе).

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Розыски

Разыскиваю сестру Серафиму Максимовну Ковригину, урожденную Набойчич, выехавшую из Одессы в Новороссийск в 1918 году. Лиц, что-либо о ней знающих, прошу сообщить в редакцию "Нашей Страны".

Мария Тимофеевна ЛОЗОВАЯ разыскивает сына ЛОЗОВОГО, Дмитрия Григорьевича, родившегося в 1899 году на Сев. Кавказе. Покинув Россию в 1918 году, он, по слухам, проживал в Аргентине. Лиц, что-либо о нем знающих, прошу сообщить в редакцию "Нашей Страны".

Лидию Александровну КРОВЯКОВУ, уехавшую в Бразилию несколько лет тому назад, разыскивает Валентина Михайловна ЦАХАРИЕ. Адрес:

Mrs. V. Zachary, 60 Bell Ave,
Fairfax, Calif.